

Oleg Fiedotow

"Стих русских переводов из
корейской поэзии (1950-1980-е
годы)", С. И. Кормилов, Г. А.
Аманова, Москва 2014 : [recenzja]

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 5, 333-336

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

С.И. Кормилов, Г.А. Аманова, *Стих русских переводов из корейской поэзии (1950-1980-е годы)*, Издательство Новое время, Москва 2014, 206 с.

Книга примечательна во многих отношениях. Написана она двумя соавторами, которым, казалось бы, было весьма мудрено отыскать друг друга. Профессор Московского университета, литературовед исключительно широкого профиля (теоретик, историк отечественной и зарубежных литератур, знаток истории русской критики, краевед и в первую очередь стиховед), автор почти 700 научных работ Сергей Иванович Кормилов и гражданин Узбекистана, каракалпачка по национальности Гулистан Аманова, филологические познания которой сосредоточены на самом крайнем Востоке – а именно в области китайской и корейской поэзии. Однако их творческий союз образовался довольно органично и непринуждённо на основе экзотической для европейского культурного ареала восточной версификации. После выхода в свет первой монографии Г. Амановой¹ в 2011 г. последовала вторая², научным редактором которой значился С.И. Кормилов и которую мне по горячим следам довелось рецензировать³, в 2012 г. в Смоленске и в 2013-2014 гг. в Москве были опубликованы их совместные концептуальные работы⁴.

¹ Г.А. Аманова, *Корейская поэзия 20-х – 40-х гг. XX в.*, ред. К.М. Яцковская, Москва 2007.

² См.: Г.А. Аманова, *Становление современных форм корейской поэзии (конец XIX - первая четверть XX в.)*, Научный редактор С.И. Кормилов, издатель И.Б. Белый, Москва 2011.

³ О.И. Федотов, <рец. на:> Г.А. Аманова, *Становление современных форм корейской поэзии (конец XIX - первая четверть XX в.)*, Научный редактор С.И. Кормилов, издатель И.Б. Белый, Москва 2011, „Вестник Московского университета, серия 9. Филология” 2011, № 4, с. 250-253.

⁴ Г.А. Аманова, С.И. Кормилов, *Теоретические проблемы корейской словесности на фоне близких и далёких литератур*, „Известия Смоленского государственного университета” 2012, № 4; С.И. Кормилов, Г.А. Аманова, *Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья первая*, „Вестник Московского университета”, серия 9, Филология, 2013, № 5; *Статья вторая*, „Вестник Московского университета”, серия 9, Филология, 2013, № 6; *Статья третья*, „Вестник Московского университета”, серия 9, 2014, № 1; Они же. *О стихе переводов Анны Ахматовой из китайской поэзии*, „Вестник Московского университета”, серия 9, Филология, 2014, № 2.

Нельзя не согласиться с убеждением соавторов, что искони свойственный российскому литературоведению европоцентризм заслонял от нас самобытно развивающиеся поэтические культуры Дальнего Востока. Они были ведомы лишь профессиональным переводчикам, да и то по большей части отражённым светом. Замечательный цикл китайских стихов Гумилёва *Фарфоровый павильон* был вольным переводом... с французского, т.е. переводом переводов, а Ахматова, Жовтис и большинство других русских поэтов переводили своих корейцев, и вовсе пользуясь не всегда профессионально выполненными подстрочниками. Тем актуальнее «стереоскопическое» обследование этих переводов с точки зрения стихосложения и корейстики.

Абсолютно адекватный поэтический перевод с одного языка на другой, даже близкородственный, в принципе невозможен. Каждая удача должна рассматриваться как исключение из этого правила. Перевод переводу, конечно, – рознь. Переводчику, стремящемуся передать специфические особенности стихового строя оригинала, приходится преодолевать целый букет просодических трудностей, неизбежно поступаясь при этом его смыслом. Приходится выбирать: или стихотворная форма, или смысл... Так, к примеру, Набоков в своём переводе *Евгения Онегина* на английский язык был вынужден отказаться даже от рифмы и онегинской строфы, да еще снабдить сравнительно небольшой поэтический текст гигантским 4-томным комментарием, чтобы как можно более точно донести до своих американских студентов тончайшие смысловые и стилистические нюансы величайшего романа в стихах. Французы же с давних пор переводят стихотворные произведения, условно говоря, слегка ритмизованной прозой, зато бережно передают смысл переводимого текста.

Монография Кормилова и Амановой состоит из пяти обособленных глав, каждая из которых представляет собой полемически заострённую статью. Первая глава с пространным заголовком *Проблемы ритма в поэтических переводах из литератур стран Дальнего Востока, их авторства и их издания* можно квалифицировать как своеобразную теоретическую и методологическую преамбулу к дальнейшему изложению.

Восточные версификации для нас, европейцев, – поистине «терра инкогнита», и чем дальше на восток, тем туманнее наши представления как о системах стихосложения тех же китайцев, а вслед за ними и японцев и корейцев, так и о самой принятой у них оппозиции «стих – проза», отнюдь не совпадающей с аналогичными понятиями европейских и североамериканских наследников античной словесной культуры. Ритмическое устройство восточной изящной словесности зависит и от слогового состава стихотворной строки, иными словами, количества иероглифов в ней, и от своеобразного ударения, весьма отличного от эспираторного, силового акцента в русской просодии, и от тоновых модуляций (необходимо знать, почувствовать, где нужно «взвизгнуть», где «пробасить», а где протянуть слог в определённой тональности) (с. 21). Ввиду невозможности в точности воспроизвести ритмические определители корейского стиха русские стихотворцы старались передать их приблизительными аналогами: метризованной прозой, упрощённой имитацией арабских бейтов или более привычными для отечественного читателя формами силлаботоники и тоники.

От теоретических постулатов соавторы переходят к характеристике конкретных антологических сборников, составляющих свод классической корейской поэзии на русском языке. В ходе их критического разбора приоткрывается масса проблем с установлением авторства значительной части переводов А. Ахматовой, многие из которых стремились разделить с ней ее сын Л.Н. Гумилёв и ее «младший друг» Н.И. Харджиев. Попутно вскрывается вопиющая безграмотность сотрудников Института востоковедения Российской академии наук, монополизировавших научную обработку и комментирование упомянутых сборников. Высказывается целый ряд справедливых упреков в адрес составителя антологии *Осенние клёны* Л.Р. Концевича, ответственного редактора серии корейской литературы А.Ф. Троцевич и возглавляющей отдел литературоведения института А.А. Суворовой. Очень эффектно, а главное – к месту приводится выдержка из выступления А.И. Микояна о том, что «если весь Восток в наше время (а с тех пор минуло, заметим, без малого 60 лет! – О.Ф.) пробудился, то этот институт дремлет и по сей день» (с. 37).

Во 2-й главе с не менее пространным (в духе XVIII века) заголовком *Стих переводов Анны Ахматовой и её коллег из китайской поэзии – образцовой для стран Дальнего Востока в средние века* констатируется, что всего по достоверным сведениям поэтессой было переведено 22 произведения 12 авторов; из них 15 текстов – ямбическими размерами с разной стопностью, 4 текста дольниками, 2 текста 4-х - и 3-ст. амфибрахием и только один – 5-ст. хореем. С точки зрения строфики и рифмовки в них царит такая же пестрота: 9 текстов полностью безрифменны, но каталектика в них разная, так что астрофичными можно признать лишь 3 текста; все остальные членятся на четверостишия с различной конфигурацией рифмовки, в том числе и 3-рифменные. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что знаменитое оригинальное стихотворение Ахматовой

Не повторяй – (душа твоя богата) –
Того, что было сказано когда-то,
Но может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата

«имело источником не рубаи, а цзюэцзюй» (с. 66). Это и другие наблюдения вполне согласуются с проницательным суждением Семёна Липкина, согласно которому «оригинальные и переводные стихи Ахматовой связаны внутренним, целеустремлённым единством, и то, что волновало, трогало, мучило и радовало нашу вдохновенную современницу, уже когда-то, в стародавние времена, овладевало умами и сердцами древних, потому что поэзия всегда стремится к одному – понять и выразить человека <...>⁵. Конечно, ахматовские переводы только намекают на специфику непередаваемого по-русски китайского стиха, но читатель получает от них нужное впечатление, создаёт себе представление о китайской версификации как особой, необычной для него форме (с. 71).

⁵ С. Липкин, *Восточные строки Анны Ахматовой*, [в:] А. Ахматова, *Классическая поэзия Востока*, Москва 1969, с. 13.

Сердцевину монографии составляют 3-я и 4-я главы, в которых исследуются переводы из корейской классической поэзии, а также переводы 1970-х гг. с тенденцией к модернизации. В результате подробнейшего стиховедческого анализа с доскональными, порой утомительными для неспециалиста статистическими выкладками соавторы устанавливают основные тенденции переводческого мастерства Ахматовой (с помощниками) и Жовтиса, а также ещё одиннадцати авторов, привлечённых к работе над корейским разделом антологии «Библиотеки всемирной литературы» *Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии* (Москва 1977): Е. Витковского, С. Бычкова, Г. Ярославцева, В. Швыряева, В. Тихомирова, Н. Тимофеевой, Н. Мальцевой, В. Марковой, А. Штейнберга, Ю. Кроля, И. Смирнова.

Сталкиваясь с теми же просодическими проблемами, что и в переводах с китайского языка, переводчики корейских поэтов вынуждены искать приблизительные эквиваленты в классических метрах силлаботоники и в переходной форме от силлаботоники к тонике – дольникам. Но соотношение этих ритмических паллиативов у каждого – своё. Если Ахматова обращается к ямба, хореем, трёхсложникам и дольникам примерно в тех пропорциях, в каких они бытовали в современной ей русской поэзии, то Жовтис оказывает явное предпочтение 5-стопному ямбу. Резко различаются их переводы и пунктуацией, для корейского языка не актуальной. Экспансивный Жовтис щедро использует восклицательные и вопросительные конструкции, сдержанная Ахматова «предпочитает выражать эмоции смыслом слов, а не знаками препинания» (с. 106).

Иной стратегии придерживаются переводчики призыва 70-х гг. Явное предпочтение они оказывают дольникам, часто далеко не коротким, не гнушаются и тактовиком и даже прибегают к отдельными вставками акцентного стиха. А это значит, резюмируют Кормилов и Аманова, что «в большей части собранных переводов предпринята попытка скрестить древнюю дальневосточную поэтику с модернистскими по происхождению формами русского стиха. Иногда это интересно, но прежде всего спорно. Иностранную классическую поэзию логичнее переводить русским классическим, силлабо-тоническим стихом, как поступали гениальная Ахматова и в основном А.Л. Жовтис, которому помогли его знания в области стиховедения» (с. 138).

Отдельной, заключительной, главы удостоились переводы, названные «переложениями», Китаиста Г.Б. Ярославцева. Он, в основном, работал со вставными стихотворными номерами в корейской прозе. Модернизаторские тенденции им доведены до «таких конфигураций», что до них, пожалуй, «никакие корейцы не додумывались. Это чистая эквилибристика в версификации» (с. 166).

Завершается монография полуконстатацией-полупожеланием: «Настоящая книга могла бы иметь вполне практическое значение, если бы переводчики хорошо понимали, что им для работы необходима теоретико-литературная и, в частности, стиховедческая оснащённость» (с. 179). Естественно, добавим мы, помимо таланта...